

**А.Б.Шлуинский,
Н.К.Богомолова, Д.С.Ганенков,
Н.М.Стойнова***

**Событие, клауза,
финитность: опыт
исследования нетривиальных
соотношений
в разноструктурных языках**

В статье предлагается обзор исследований языковых конструкций, в которых представлено нарушение традиционно ожидаемого однозначного соответствия между событием и финитной клаузой. Во-первых, это разнообразные конструкции, для которых проблематично членение дено-

тата на отдельные (макро)события vs. являющиеся их частью (под)события. Во-вторых, это полипредикативные конструкции с нефинитными формами, как показывающие неоднозначность понятия границы клаузы, так и дающие представление о «нескрытой» событийной семантике. В-третьих, это рефактивные конструкции, семантика которых связана с отождествлением событий как (квази)идентичных.

1. Введение

Принято считать, что синтаксической вершиной клаузы, или простого предложения, является единственный предикат, который при этом обозна-

* **Шлуинский Андрей Болеславович** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела африканских языков Института языкознания РАН, руководитель проекта «Событийность, клаузальность и финитность: данные разноструктурных языков в лингвистической теории» (12-34-01255а2).

Богомолова Наталья Константиновна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, исполнитель того же проекта.

Ганенков Дмитрий Сергеевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, исполнитель того же проекта.

Стойнова Наталья Марковна — кандидат филологических наук, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и поэтики Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН, исполнитель того же проекта.

чает единое и единственное событие. В лингвистике, причём вне зависимости от теоретического направления, принята неявная, а порою и явная (ср. [1, с. 19]) посылка о том, что клауза (предикация) описывает событие (ситуацию) и имеет референтом некоторую единую и единственную ситуацию реального мира; у события есть участники, за счёт чего у предиката есть аргументы, которые в клаузе выражены именными группами. Каноническим случаем обычно считается финитная клауза, а нефинитные клаузы интерпретируются как чисто синтаксическая редукция финитных, служащая для выражения семантического и синтаксического подчинения другой клаузе.

Между тем, можно назвать целый ряд причин, по которым эта модель является значительным упрощением реального положения дел. Во-первых, *de facto* в литературе последних лет всё более отчётливо осознаётся недостаточность этого представления. Так, в исследованиях по, казалось бы, совсем разным темам активно используются понятия подсобытия (в англоязычной литературе — *subevent*, ср. [2]) и макро-события (в англоязычной литературе — *macroevent*, ср. [3]), причём, как правило, практически никак не определяемые; с синтаксической точки зрения неоднозначному единству события часто соответствуют неоднозначная монопредикативность и полипредикативность. Во-вторых, в финитных клаузах их семантическая и синтаксическая структура «скрыта» предикативностью, т.е. теми категориями, которые и делают предложение финитным и с необходимостью выражаются в независимом предложении, тогда как нефинитные клаузы не затрагиваются этими категориями, благодаря чему внутренняя структура нефинитных клауз оказывается в большей степени доступной прямому наблюдению (ср. понятие «предикации с неполной структурой» в [4]); при этом нефинитные клаузы не представляют собой полностью единого понятия, а имеют разную степень синтаксической редукции. В-третьих, в семантику клаузы или её вершинного предиката может входить как основной компонент, касающийся собственно описываемого события, так и дополнительный пресуппозитивный, касающийся некоторого дополнительного события. В частности, — предшествующего основному событию, концептуализуемого как идентичное основному, что выражается специализированными показателями со значением рефактива; в этом случае мы имеем дело с ещё одним аспектом проблемы единства события: вопросом о тождестве отдельных событий и средствах его языкового оформления.

В рамках нашего исследовательского проекта мы на материале разноструктурных языков рассмотрели широкий круг явлений, которые пред-

ставляют собой случаи отклонения от принятой модели, в которой однособытийность соответствует финитной моноклаузальности. Нам удалось обнаружить, что между разными явлениями такого рода, внешне относящимися к абсолютно разным фрагментам грамматики, имеются далеко не случайные содержательные сходства.

В настоящей статье мы сосредоточимся на следующих общих темах, которые позволяют охарактеризовать разные стороны проблематики неоднозначного соответствия между событием и клаузой, а также продемонстрировать, что такие случаи неоднозначного соответствия действительно завязаны на внешне несходные морфосинтаксические явления. В разделе 2 рассматриваются языковые конструкции, показывающие случаи принципиально неоднозначного членения предикатной семантики на события. В разделе 3 исследуются особенности поведения нефинитных форм, как показывающие неоднозначность понятия границы клаузы, так и дающие представление о «нескрытой» событийной семантике. В разделе 4 обсуждаются языковые средства, семантика которых связана с отождествлением событий как (квази)идентичных.

2. Неоднозначная однособытийность vs. многособытийность

В языках мира представлен целый ряд конструкций, принципиально проблемных с точки зрения членения денотата на отдельные (макро)события vs. являющиеся их частью частные (под)события; для самой проблемы такого членения представляется удобным термин из работы [5, с. 112] — «относительная отчленяемость событий». С семантической точки зрения, эти конструкции можно разделить на те, где подсобытия однотипны, и те, где подсобытия содержательно различны.

Среди конструкций с однотипными событиями представлены (а) реципроки, (б) мультипликативы-дистрибутивы, (в) хабитуалисы и (г) комитативы. Во всех этих случаях верно, что событие, соответствующее лексическому значению глагола, имеет место более одного раза — с полностью тождественным набором участников или с разными. При этом показательно, что указанные значения могут выражаться как морфологическими показателями, так и конструкциями, в которых представлены несколько предикатных основ, — это повтор глагольной лексемы (или редупликация её корня) и специализированный показатель, являющийся отдельным предикатом. В (1)–(3) три способа выражения проиллюстрированы для реципрока.

- (1) нелемва {< малайско-полинезийские, Океания}
 hli   **pe-yage-i** hliili meewu
 3DU   REC-помогать-REC эти два брата*
 ‘Эти два брата помогают друг другу’ [6, с. 1487];
- (2) амеле {< трансновогвинейские, Папуа — Новая Гвинея}
 age   **qetu-do-co-b**   **qet-do-co-b**   eig-a
 3PL   резать-3SG-DS-3SG   резать-3SG-DS-3SG   3PL-HOD
 ‘Они порезали друг друга’ [7, с. 132];
- (3) дулонг (диалект мтванг) {< тибето-бирманские, Китай}
 angmaq   v-yvng   **kē-ē**
 3PL   PREF-видеть   REC-NPST
 ‘Они смотрят друг на друга’ [8, с. 193].

Выражение событий, семантически состоящих из содержательно различных подсобытий, регулярно в глагольной лексике: в обширной литературе показано, что события, описываемые предикатами с разными акциональными свойствами, не просто не идентичны, а имеют разную степень сложности благодаря разному набору фаз; в частности, в [9] предлагается формализация «событийных шаблонов». Показательно, что подсобытия-фазы могут быть эксплицированы при помощи специализированных предикатов — показателей акциональной модификации, как в (4).

- (4) чувашский {< тюркские}
 ivan   šivär-sa   **kaj-r-ě**
 Иван   спать-CVB   уходить-PST-3
 ‘Иван заснул.’

Среди конструкций с неоднотипными событиями представлены (а) каузативы и аппликативы (в том числе, в частности, ассистивы и бенефактивы), (б) сериальные глагольные конструкции и конструкции с «нанизыванием клауз», (в) предикации-атрибуты и вторичные предикации (депиктивы). Во всех этих случаях представлены (под)события, которые заведомо различны, но имеют тесную семантическую связь. Морфосинтаксическая структура таких конструкций различна — так, в частности, есть сериальные конструкции как с образованием отдельной синтаксиче-

* Использованы следующие сокращения: 3 — 3 л., CL — показатель именного класса, CVB — деепричастие, DS — разносубъектность, DU — дв. число, FAC — фактатив, HOD — время сегодняшнего дня, NPST — непрошедшее время, PFV — перфектив, PL — мн. число, PREF — приставка, PST — прошедшее время, REC — реципрок, SG — ед. число.

ской группы при каждом глаголе, как в (5), так и со словосложением глаголов, как в (6).

(5) акебу {< ква, Западная Африка}

né-tì   móto   nò-kó   kúnóú-wà
 1SG.PFV-сидеть   мотоцикл   1SG.PFV-идти   Куньюу-CL
 ‘Я поехал в Куньюу на мотоцикле’;

(6) игбо {< бенуэ-конго, Западная Африка}

o   t̩̀-̀f̩̀-̀g̩̀   ákẁ̩ẁ̩ẁ̩
 3SG   бросать-теряться-FAC   бумага
 ‘Он выбросил бумагу’ [10, с. 24—25].

Сопоставление перечисленных конструкций как с точки зрения их семантики, так и с точки зрения их морфосинтаксиса показывает, что для многих из них обнаруживается нетривиально сходное противопоставление в уровне — различаются меньшая vs. большая отчленяемость (под)событий, которая проявляется соответственно в более vs. менее ограниченной сочетаемости или большей vs. меньшей лексикализации. Применительно к многим из рассмотренных значений данная интуиция отмечалась исследователями, но далеко не тривиальным фактом является совпадение этих интуиций для разных значений. К данному типу противопоставлений относятся лёгкие vs. тяжёлые показатели реципрока [5], внутрисобытийный vs. событийный типы предикатной множественности [11—13], комитатив vs. сочинительный комитатив [14], контактный vs. дистантный каузатив [15, 16], связующие vs. модифицирующие сериальные глагольные конструкции [17, 18]. Для всех случаев можно постулировать единую иерархию, отражающую, с одной стороны, большее или меньшее формальное единство (макро)события в плане выражения и, с другой стороны, более или менее тесную семантическую связь между (под)событиями, проявляющуюся и в лексической сочетаемости соответствующего средства, и в его морфосинтаксическом поведении:

единый предикат

> «меньшая связность»

> «большая связность»

> полипредикативная структура

> соположение

Обнаруживается ряд семантических параметров, чувствительных к промежуточному статусу между однособытийностью и многособытийно-

стью и коррелирующих с более однособытийной vs. более многособытийной структурой: (а) единственность vs. множественность участника события, (б) единство vs. неединство места, (в) единство vs. неединство времени, (г) единство vs. неединство «действия» — в большей степени единое событие в первую очередь следует определённому сценарию, связанному с лексическим значением (см. [19] для сериальных конструкций), (д) «уровень абстракции» — акцентирование внимания на множественности подсобытий vs. их игнорирование. При этом сосуществуют две противонаправленные тенденции: с одной стороны, тенденция к редукции совокупности подсобытий в единое событие, а с другой — тенденция к подчёркиванию неатомарности макрособытия с вычленением его фаз в отдельные подсобытия.

3. Граница клаузы, финитность и дистантное согласование

Особый интерес для теории и типологии событийной структуры представляют разного рода полипредикативные конструкции. В типологическом отношении хорошо известно, что имеется зависимость между степенью семантической спаянности описываемых конструкцией ситуаций и степенью её формальной морфологической и синтаксической слитности [20, 21]. Мы исследовали два различных аспекта полипредикативных конструкций.

С одной стороны, нас интересовали случаи неоднозначного поведения конструкций с точки зрения формально-синтаксического статуса зависимой предикации. Эмпирическим материалом здесь послужили деепричастные и инфинитивные конструкции в табасаранском языке (< лезгинская группа < нахско-дагестанская семья). Несмотря на биклаузальность, подтверждаемую целым рядом стандартных синтаксических тестов (синтаксически независимые субъекты, возможность независимой модификации аспектуальными и временными наречиями), в этих конструкциях возможно согласование матричного предиката по лицу с местоимением зависимой клаузы. Нами было показано, что подобные случаи не могут быть объяснены в рамках существующих подходов к дистантному согласованию, а также к дистантной клитизации, поскольку не проявляют моноклаузальных свойств и нарушают общепринятые представления о локальности синтаксических операций [22]. В частности, показано, что возможность дистантной клитизации, часто рассматриваемая как достаточное свидетельство моноклаузальности конструкции [23], таковым не является.

В семантическом отношении возможность нелокального согласования зависит от ролевого и синтаксического соотношения субъекта главной клау-

зы и личного аргумента зависимой клаузы, кандидата на позицию контролёра согласования. В подобных конструкциях дистантный контроль согласования наиболее вероятен в том случае, когда личный аргумент оказывается ниже в иерархии семантических ролей, чем субъект главной клаузы. Интересно, однако, что при ясности семантико-прагматических условий, способствующих дистантной клитизации, формально-синтаксический анализ не столь очевиден из-за отсутствия готовых теоретических инструментов.

В целом, дальнейший анализ этих конструкций, как представляется, может развиваться в двух направлениях. Если считать, что отношения между местоименным аргументом и матричным глаголом действительно представляют собой дистантное согласование (или клитизацию), то необходим пересмотр существующих подходов к этому явлению. Другое направление анализа сводится к тому, чтобы показать, что личный глагольный показатель не зависит непосредственно от местоименного аргумента, т.е. речь идёт не о согласовании (или клитизации), а о некотором ином синтаксическом механизме, обуславливающем появление маркера на глаголе и не подчиняющемся ограничениям на локальность.

С другой стороны, было изучено влияние соотношения синтаксической и событийной структуры на диахронические изменения, которым подвергаются синтаксические конструкции. Источником эмпирических данных для изучения закономерностей диахронического изменения полипредикативных конструкций с редуцированным предикатным актантами стали диахрония инфинитивных конструкций в удинском языке, а также «инфинитивный цикл», фиксируемый в диалектах даргинского языка.

Диахроническая стабильность двух основных компонентов полипредикативных конструкций, лексического матричного глагола и стратегии оформления сентенциального зависимого, в истории удинского языка была исследована на материале четырёх различных вариантов этого языка: (а) современного ниджского диалекта, (б) современного варташенского диалекта, (в) варташенского диалекта, зафиксированного в грамматических описаниях и текстах середины — конца XIX в., (г) древнеудинского языка, зафиксированного в палимпсестах VII—X вв. Мы выяснили, что диахронические изменения коррелируют с событийной структурой конструкции, а именно с тем, насколько независимыми друг от друга являются события, описываемые главной и зависимой клаузами. С одной стороны, чем более тесной является связь между событиями, тем стабильнее стратегия морфологического оформления зависимого предиката. Так, наиболее стабильными оказываются способы оформления зависимого предиката в конструкциях, близких по своим свойствам к моноклаузальным (например, конструкция с глаголом 'мочь' и конструкция цели движения типа

‘идти (с)делать’). Стратегии маркирования зависимого предиката оказываются тем более подтвержденными диахроническим изменением, чем более семантически независимыми являются события, выражаемые главной и зависимой клаузами. С другой стороны, диахроническая лексическая стабильность самих матричных предикатов проявляет обратную зависимость. Наиболее устойчивыми в диахроническом отношении оказываются предикаты, в наибольшей степени обладающие собственным лексическим значением (например, глагол ‘хотеть’), тогда как матричные предикаты в конструкциях с большой степенью спаянности двух событий часто подвергаются лексическим заменам.

На материале диалектов даргинского языка был описан и исследован так называемый инфинитивный цикл, т.е. процесс замены диахронически исходного инфинитивного показателя другой формой, исторически имеющей адвербиальные значения ‘чтобы’ и ‘пока’. Показано, что процесс функционального смещения зависимых глагольных форм (от конструкций с независимыми событиями к конструкциям с тесно связанными событиями) имеет также и последствия для морфологии и синтаксиса: изменяется синтаксический статус возглавляемой зависимым глаголом клаузы, возникают ограничения на соотношение референции главного и зависимого субъектов, и утрачивается морфологическое изменение этой формы по лицам. Конечный результат этого процесса, как это часто происходит в истории языка, по своим свойствам оказывается полностью идентичным исходному показателю и отличается от него только фонетической формой.

4. Единство и тождество событий: показатели рефактива

Особый интерес в контексте проблемы единства события представляют так называемые глагольные показатели рефактива, т.е. показатели со значениями типа ‘сделать повторно, ещё раз, вернуться в исходное состояние или точку в пространстве’. Дело в том, что, обратившись к такого рода показателям, мы сталкиваемся с этой проблемой сразу в двух ракурсах.

Во-первых, речь идёт об уже обсуждавшемся выше линейном, «синтагматическом» единстве событий: какой фрагмент действительности будет концептуализован в языке как одно событие (и выражен единым предикатом), а какой — почленён на несколько событий (и выражен полипредикативной структурой). Единая глагольная форма, содержащая показатель рефактива, строго говоря, вводит в рассмотрение не одно, а два или более последовательных события, правда, с неодинаковым семантико-коммуникативным статусом. Одно, основное, вводится в качестве ассерции, другое (или другие) аналогичное событие, предшествующее основному, — в ка-

честве пресуппозиции. Так, предикат *перечитал* в предложении *На днях я перечитал Анну Каренину* описывает не только единичную ситуацию 'прочитал', но и (на правах пресуппозиции) одну или несколько эквивалентных ей ситуаций чтения, происходивших ранее. Показатели рефактива, прежде всего лексические (такие как русские *опять*, *снова*), но также и входящие в состав глагольной словоформы морфологические, иногда рассматривают именно с этой точки зрения — как так называемые триггеры пресуппозиции (*presupposition triggers*) и сопоставляют в этой роли с другими показателями такого рода — словами/показателями типа *тоже*, *даже*, *только* и под., см. [24, 25].

Отдельный интерес в этом контексте представляют фиксируемые в некоторых языках употребления рефактивных показателей, которые можно назвать «нереферентными». В них пресуппозитивный компонент ослаблен: в пресуппозиции оказывается не какое-то конкретное предшествующее данному и аналогичное ему событие, а целый класс подобных событий, не локализованных во времени. Таким образом, мы наблюдаем семантический сдвиг от значений 'опять', 'в исходное состояние', 'в исходную точку' к значениям 'как всегда', 'в обычное состояние', 'в место обычного пребывания, домой'. Нереферентные употребления рефактивов, будучи диалектически производными от обычных, с точки зрения единства события оказываются, по сравнению с ними, ближе к каноническому случаю «одно событие = один предикат».

Другой ракурс проблемы единства события, непосредственно связанный с показателями рефактива, — это уже не «синтагматический», а «парадигматический» ракурс. Речь идёт о том, какие два события могут быть концептуализованы в языке как тождественные, эквивалентные (т.е. названы одним и тем же событием), а какие — не могут. С точки зрения употребления показателей рефактива, соответственно, этот вопрос будет звучать так: при описании каких двух (или более) схожих последовательных событий второе способно оформляться показателем рефактива, при описании каких — не способно.

В частности, интересным объектом исследования, особенно в типологическом аспекте, представляется взаимодействие рефактива с аргументной структурой предиката. Насколько рефактив оказывается чувствителен к разнице в составе участников исходной и повторной ситуаций? Насколько это типологически стабильно? Разные значения рефактивной зоны в разных языках предполагают разное соотношение состава участников описываемого, основного и исходного, находящегося в пресуппозиции события. Можно говорить, таким образом, об участниках «прозрачных» и «непрозрачных» для рефактива. Изменение «прозрачного» участника в по-

вторном событии не влияет на возможность употребления рефактивного маркера, иными словами, событие с подобным участником рассматривается в языке как аналогичное исходному, независимо от изменений в составе участников. Будет ли участник прозрачен для рефактива, определяется целым рядом факторов и регулируется сложными конкретноязыковыми правилами (см., например, описание таких правил для языка майяли (Австралия) в [26]). В ряду типологически релевантных параметров можно назвать референциальный статус участника, его семантическую роль (а также семантический тип самого события) и коммуникативный статус. Например, в русском языке обнаруживаются различия в ограничениях на аргументную структуру глагола с приставкой *пере-* для подлежащего-экспериенцера при предикате восприятия и подлежащего-агенса при агентивно-пациентивном предикате в следующих предложениях: {*Дочка плохо помыла посуду.*} ^{OK}*Мама перемыла её заново.* {*Дочка невнимательно посмотрела фильм.*} **Мама пересмотрела его и рассказала ей сюжет.*

Отдельная проблема, связанная с концептуализацией событий как тождественных/нетождественных, касается вопроса о том, какие события не только могут, но обязаны или как минимум склонны оформляться как тождественные, т.е. о контекстах, в которых показатель рефактива оказывается обязательным, и, тем самым, о способности показателей рефактива иметь полноценный грамматический в классическом яacobсоновском смысле статус. При том, что в некоторых языках морфологические показатели рефактива приближаются к области грамматики по степени продуктивности (см., например, подобное утверждение применительно к показателю рефактива в лезгинском языке в [27]), в строгом смысле грамматическую категорию «повторного/неповторного» события они всё же, как кажется, никогда не формируют, оставаясь в пределах продуктивной деривации. Тем не менее, показатели рефактива в языках мира, как показано в типологическом исследовании Б.Вельхли [28], существенно разнятся в том, выражают ли они повторение события, релевантное для говорящего (эмфатические, так называемые тяжёлые рефактивы), или употребляются в том числе и в случае, когда информация о тождестве описываемого события с некоторым предшествующим для говорящего неактуальна (неэмфатические, так называемые лёгкие рефактивы).

5. Заключение

В настоящей статье мы представили краткий обзор проблематики, связанной с событийно-предикатным несоответствием, которое было в фокусе внимания нашего проекта. Как можно было видеть, разные аспекты ука-

занной проблематики рассматривались нами как на широком типологическом материале, так и на материале отдельных языков, в которых интересовавшие нас явления представлены наиболее ярко. Мы отдаём себе отчёт в том, что делом будущего остаётся дальнейшее погружение этих явлений в более широкий типологический контекст.

Литература

1. Levin B., Rapoport Hovav M. *Argument Realisation*. Cambridge, 2005.
2. Yasuhara M. One eventuality per subevent: an event-based account of argument structure // *Language Sciences*. 2013. Vol. 40. P. 251–262.
3. Pedersen J. The construction of macro-events: A typological perspective // Butler C., Arista J.M. (eds.). *Deconstructing Constructions*. Amsterdam etc., 2009. P. 25–62.
4. Татевосов С.Г. Аспектуальная композиция в предикациях с неполной структурой // *Проблемы типологии и общей лингвистики: Материалы международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. А.А.Холодовича*. СПб., 2006. С. 146–150.
5. Kemmer S. *The Middle voice*. Amsterdam etc., 1993.
6. Bril I. Reciprocal constructions in Nêlêmwa (New Caledonia) // Nedjalkov V.P. (ed.). *Reciprocal constructions*. Amsterdam etc., 2007. P. 1479–1510.
7. Roberts J.R. Amele. London, 1987.
8. Nedjalkov V.P. Encoding of the reciprocal meaning // Nedjalkov V.P. (ed.). *Reciprocal constructions*. Amsterdam etc., 2007. P. 147–209.
9. Rapoport Hovav M., Levin B. Building verb meanings // Butt M., Geuder W. (eds.). *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*. Stanford, 1998.
10. Lord C. Igbo verb compounds and the lexicon // *Studies in African linguistics*. 1975. Vol. 6. P. 23–48.
11. Cusic D. *Verbal Plurality and Aspect*: Ph.D. diss. Stanford, 1981.
12. Храковский В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // *Типология итеративных конструкций / В.С.Храковский (ред.)*. Л., 1989. С. 5–53.
13. Wood E. *The Semantic Typology of Pluractionality*; Ph.D. diss. Berkeley, 2007
14. Архипов А.В. *Типология комитативных конструкций*. М., 2009.
15. Недялков В.П., Сильницкий Г.Г. Типология каузативных конструкций // *Типология каузативных конструкций / А.А.Холодович (ред.)*. Л., 1969. С. 20–50.
16. Travis L. Event Structure in Syntax // Pustejovsky J., Tenny C. (eds.) *Events as grammatical objects, from the combined perspectives of lexical semantics, logical semantics and syntax*. Stanford, 2000.

17. Bamgboṣe A. On serial verbs and verbal status // *Journal of West African languages*. 1974. Vol. 9(1). P. 17–48.
18. Sebba M. *The Syntax of serial verbs*. Amsterdam etc., 1987.
19. Durie M. Grammatical structures in verb serialization // Alsina A., Bresnan J., Sells P. (eds.). *Complex predicates*. Stanford, 1997. P. 289–354.
20. Givón T. *Syntax: A functional-typological introduction*. Vol. II. Amsterdam, 1990.
21. Cristofaro S. *Subordination*. Oxford, 2003.
22. Polinsky M. Non-canonical agreement is canonical // *Transactions of Philological Society*. Vol. 101:2. 2003. P. 279–312.
23. Wurmbrand S. *Infinitives: Restructuring and cause structure*. Berlin; New York, 2001.
24. Von Stechow A. The different readings of wieder ‘again’: a structural account. *Journal of Semantics*. 1996. Vol. 13. P. 87–138.
25. Падучева Е.В. *Высказывание и его соотносённость с действительностью*. М., 1985.
26. Evans N. A-quantifiers and scope in Mayali // Bach E. et al. (eds.) *Quantification in natural languages*. Dordrecht, 1995.
27. Haspelmath M. *A grammar of Lezgian*. Berlin; New-York, 1993.
28. Wälchli B. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // *Studies in Language*. 2006. Vol. 30 (1). P. 69–113.